

© Н. Н. БЛОХИНА, 2009
УДК 614.2:93(470-25)

ИНСТИТУТЫ ВРАЧЕЙ-ЭКСТЕРНОВ И ГОСПИТАНТОВ В ГОРОДСКОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ МОСКВЫ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Н. Н. Блохина

ГУ Национальный НИИ общественного здоровья РАМН*, Москва

В рамках работы лечебных учреждений городского самоуправления Москвы (конец XIX — начало XX веков) успешно развивали свою деятельность Институт врачей-экстернов и Институт госпитантов. К сожалению, историки медицины не уделили внимания в своих работах деятельности этих институтов. Нами в Центральном историческом архиве Москвы были найдены архивные документы, которые заставили по-новому взглянуть на систему усовершенствования врачей в дореволюционной России.

Согласно найденным нами Правилам для врачей госпитантов и экстернов Московских городских больниц (28 января 1909 — 8 ноября 1912 г.): «В городские больницы допускались в качестве госпитантов и экстернов врачи, имеющие право практики в России. Число госпитантов и экстернов устанавливалось конференцией в зависимости от внутренних условий больницы и представлялось на утверждение Управы» [1]. Госпитанты, не имея на своем попечении больных, посещали только совместно с главным или старшим врачами либо организаторами то или другое отделения больницы в целях ознакомления с различными способами исследования и лечения больных и присутствовали при операциях. Согласно п. 4 врачи-госпитанты допускались для учебы в больницу с разрешения Городской управы главным доктором на срок не более 6 мес, с согласия врача, берущего на себя обязательство заниматься с ними, причем по истечении 6 мес занятия госпитантов не могли возобновляться [1]. В примечании к п. 4 уточнялось, что о врачах, желающих посещать больницу в течение «не свыше одного месяца», главный врач лишь доводил до сведения управы.

Врачи-экстерны, не состоя на службе, могли иметь на своем попечении известное число больных и вести лечение последних под наблюдением и за ответственностью ординатора отделения, а также главного доктора больницы и старшего врача. В примечании же было сказано, что экстерны как лица, не состоящие на службе, к самостоятельным дежурствам не допускались.

Экстерном больницы мог быть врач, пробывший не менее 3 мес госпитантом в той же больнице. Однако при этом в примечании указывалось, что лица, обладающие большой опытною по их прежней деятельности могли быть допущены в экстерны по выбору конференции и без 3-месячного стажа в качестве госпитанта [1]. В таком случае госпитант, желающий сделаться экстерном, подавал письменное заявление об этом с приложением жизнеописания главному доктору и на ближайшей конференции избирался закрытым баллотированием, причем для последнего требовалось простое большинство голосов. Избранные конференцией экстерны утверждались Городской управой. Экстерны могли переходить из отделения в отделение с согласия главного доктора и ординаторов.

Продолжительность занятий врача-экстерна в больнице была 3 года. По прошествии это срока экстерн, желающий продолжить свою учебу, переизбирался на следующее трехлетие [1]. В примечании к п. 10 Правил было указано, что означенное правило имело силу и в отношении тех экстернов, которые проработали в больнице уже более 3 лет.

Экстерн, желающий занять открывающуюся врачебную должность в больнице или другом учреждении при Городском управлении и будучи представленным на эту должность кандидатом от больницы, подвергался после предварительной оценки его деятельности закрытому баллотированию на конференции и представлялся уже от больницы. В случае необходимости экс-

терн мог получить от больницы письменный отзыв о своей деятельности.

Экстерны обязаны были подчиняться существующим в больнице правилам. Посещать больницу ежедневно в определенные часы и в случае своего отсутствия своевременно уведомлять больницу. При желании на известное время, но не более полугода, оставить больницу экстерн должен был предварительно заявить об этом главному доктору и ординатору, в организации которого он работал, о чем, как и вообще о всяком отсутствии, делалась отметка в формуляре экстерна. Строгие правила, хотя и устанавливали (п. 15), что экстерн, не посещающий больницу без уведомления более 3 дней, считается выбывшим, тем не менее согласно примечанию к указанному пункту после объяснения главному врачу причины своего уведомления о невыходе на работу (в случае ее уважительности) мог быть восстановлен в своих правах [1].

Экстерны принимали участие в научных больничных конференциях и могли присутствовать на конференциях административно-хозяйственных (без права голоса), за исключением тех конференций, на которых происходили какие-либо выборы либо после признания председателем или самой конференцией закрытости для экстернов. Экстерны имели право пользоваться научными пособиями больниц и больничными материалами для научных целей, причем обязательно с согласия ординатора и главного доктора или старшего врача. Отстранение экстернов от занятий в больнице по заявлению главного доктора или ординатора происходило после предварительного объяснения экстерна и по постановлению конференции врачей закрытым баллотированием [1]. В случаях исключительных, не терпящих отлагательства, главный доктор мог отстранить экстерна от занятий своей властью на общих основаниях, о чем он доводил до сведения конференцию Городской управы.

В книге [22] приведен реально существовавший в конце XIX — начале XX веков механизм подготовки больничных палатных врачей в Институте усовершенствования врачей — госпитантов и экстернов. Вот как в этой книге описан механизм повышения квалификации практических врачей: «...прежде чем сделаться экстерном требовалось еще быть некоторое время госпитантом; госпитант превращался при благоприятных условиях в экстерна. Если же он не удовлетворял представлению, создавшемуся среди корпорации врачей больницы о больничном враче-экстерне, то госпитант в экстерны не проходил, и больничный экстерн был именно тот материал, из которого создавались будущие палатные ординаторы в больнице — заместители убывающих старых врачей, а многие экстерны больницы, получив здоровые задатки, хорошую школу, шли и создавали впоследствии русскую медицину, русскую общественную медицинскую жизнь, имена же их стали памятны для поколений как выдающихся деятелей на тернистом пути народного здравоохранения» [2].

Городская управа следила за врачами-экстернами и требовала предоставления документов об их медицинском звании, а также видах на жительство. В связи с этим главный врач циркулярно оповещал врачей-экстернов о необходимости сообщить точно свои адреса. С 1897 г. Городская управа требовала документы на право жительства и диплом на звание лекаря. На каждого вновь поступающего экстерна контора больницы посылала запрос в Московскую городскую управу, с предоставлением документов и с просьбой о разрешении заниматься в больнице [2]. Так как к настоящему времени сохранилось совсем немного сведений о том, в каких же условиях приходилось работать врачам-экстернам, мы считаем, что вправе показать атмосферу, в которой происходило усовершенствование врачей, на-

*105064 Россия, Москва, ул. Воронцово поле, д. 12/1, стр. 1.

пример в Старо-Екатерининской больнице, где трудились врачи-экстерны.

Известный в свое время проф. Ф. А. Гетье оставил свои воспоминания о Старо-Екатерининской больнице, в которых с глубокой благодарностью описывает 10 лет (1888—1898 гг.) работы в ней. По его словам, «это был период полного расцвета ее»: «Терапевтическое отделение Старо-Екатерининской больницы в описываемое время было в руках докторов А. Н. Хрусталева и В. Н. Шнауберта, в хирургическом отделении работали П. П. Минин и Н. Д. Кузнецов, нервным отделением заведовали В. К. Рот и его ближайший ученик Н. Ф. Шаталов, отделение носа, горла и уха вел известный специалист Е. М. Степанов, в гинекологическом работал в то время молодой, талантливый В. В. Успенский и, наконец, во главе патологоанатомического института стояли такие крупные ученые, как И. Ф. Клейн и затем М. Н. Никифоров».

Нам представляется справедливым привести сохранившиеся строки воспоминаний врачей, хорошо знавших практических врачей Московской Старо-Екатерининской больницы, не только составивших целую эпоху в клиническом врачевании больных, но и оказавших непреходящее влияние на своих молодых коллег. «Мне думается, что, например, имя А. П. Хрусталева мало кому известно из врачей, — пишет Ф. Гетье, — а это была крупная, оригинальная личность, распространявшая свое влияние не только на товарищей-сослуживцев, но и на врачей других больниц. Я не встречал врача, который заслуживал бы более названия «больничного врача», как А. П. Хрусталева. Это был человек, посвятивший себя всецело больнице, живший только ее интересами, для которого вне ее не существовало ничего» [3].

Давая объективную оценку подвижнического труда своего коллеги, Ф. Гетье пишет: «Образованный и опытный врач, он мог бы иметь в Москве обширную практику, но он не гнался за нею и практиковал настолько, чтобы иметь возможность существовать, все же свое время отдавал больнице. В то время лаборатория играла в распознавании болезней второстепенную роль, не было ни серодиагностики, ни рентгена, все основывалось исключительно на клиническом наблюдении больного, и Алексей Петрович посвящал этому наблюдению очень много времени, просиживал часами около трудного, запутанного случая и навещал таких больных вечером и даже ночью» [3].

Авторитетный, опытный врач для многих своих молодых коллег становился примером для подражания. «Быть экстерном у Алексея Петровича, — вспоминал Ф. А. Гетье, — считалось у молодежи большой честью. Но попасть к нему экстерном было трудно; число экстернов у него было очень ограничено, так как и к этому вопросу, как ко всему, что касалось больницы, Алексей Петрович относился чрезвычайно серьезно. Он смотрел на экстернов как на своих учеников, руководил их занятиями, совместно осматривал их больных и затрачивал на них массу времени, почему всегда ограничивал число работающих у него молодых врачей» [3].

Главные и старшие врачи городских больниц, имевшие колоссальный врачебный опыт и знания, оказывали своим врачебным авторитетом и личностью неизгладимое влияние на приходивших к ним за обновлением своих медицинских знаний молодых врачей. «Но не одни знания и опыт влекли к нему молодежь, — свидетельствовал Ф. А. Гетье о докторе А. П. Хрусталева, — еще более влекли его нравственные качества. Строгий к себе в пределах своих врачебных обязанностей, строгий к себе в исполнении обязанностей, налагаемых товарищеской средой, он был одинаково строг и по отношению к товарищам-врачам, когда заходил вопрос о врачебной и товарищеской этике. В то время, когда в других больницах с их почетными попечителями протекционизм играл очень большую роль в получении ординаторского места, Старо-Екатерининская больница с гордостью могла сказать ... , ни один врач не получил ординаторского места по протекции, а занял его по избранию коллегией врачей» [3]. В то время для многих молодых врачей, уже прошедших экстернатуру (ассисентуру), было заветным желанием занять место больничного ординатора. Но это место предоставлялось только наиболее профессионально подготовленным и ответственным врачам.

Воспоминания выпускника Императорского Московского университета Г. А. Соловьева о докторе А. П. Хрусталева были озаглавлены следующим образом: «Мои воспоминания о Старо-Екатерининской больнице для чернорабочих бывшего в начале 80-х годов врача-экстерна: а ныне доктора медицины *honoris causa* и преподавателя акушерства 1-го ГМУ Георгия Соловьева (1924 г. 20 IV)». «Положивши в карман аттестат об окончании курса медицинских наук Императорского Московского университета весной 1882 года я сразу почувствовал, что расстаюсь с своей *alma mater* и, освободившись от школьной скамьи, должен искать грунта другого». «Поселившись с своей семьей около больницы, — пишет доктор Г. А. Соловьев в своих воспоминаниях, — я начал свои занятия как экстерн у рекомендованного

мне врача Алексея Петровича Хрусталева в отделении по внутренним болезням. При первом же знакомстве с ним он мне сразу же отрезал, что если я занимающийся человек, то могу рассчитывать на него как на учителя, а если прохвост: то «таких нам не надо», и это говорил добродушно, но строго — врач средних лет с преждевременной сединой головы: с слегка одутловатым лицом, с привычным серьезным, но редко улыбающимся выражением» [4].

«Второй крупной фигурой среди врачей Старо-Екатерининской больницы в бытность мою там, — пишет доктор Ф. А. Гетье, — был Владимир Николаевич Шнауберт. Его я близко знал, так как имел счастье быть его учеником, и светлый образ его на всю жизнь запечатлелся во мне» [5]. «Я увидел — продолжал доктор Гетье — что имею дело с крупным терапевтом, у которого могу многому научиться, и пристал неотступно к Владимиру Васильевичу Успенскому, чтобы он упрямил В. Н. Шнауберта взять меня к себе экстерном, на что и получил согласие последнего. Занимался с экстернами Владимир Николаевич прекрасно. Сначала он обычно давал им исключительно туберкулезных больных, чтобы научить их выстукивать и выслушивать, и только когда убеждался, что они достаточно усвоили себе эти методы исследования, он давал им других больных, обычно хроников, т. к. на хрониках, по его словам, врач научается лечить больного, научается наблюдать его и знакомиться с действием лекарственных средств. Он внушал экстернам не гоняться за редкими случаями, не спешить с литературными выступлениями, а учиться, учиться непрерывно на обычном больничном материале, который и в частной практике врача составляет преобладающую часть. Считая основным в деле лечения больного клиническое наблюдение и изучение его, он отводил большое место лаборатории, требуя от экстернов, чтобы они лично производили доступные в то время анализы мочи, мокроты и других выделений больного. У него я и другие экстерны научились многим методам исследований, о которых мы не слышали в университете. Сам, присутствуя постоянно на вскрытиях своих умерших больных, он требовал, чтобы и экстерны обязательно посещали вскрытия умерших у них больных» [5].

Вспоминая близких ему врачей, проф. Ф. А. Гетье пишет: «Если Алексей Петрович Хрусталева был среди товарищей признанным авторитетом в вопросах товарищества и врачебной этики, то к Владимиру Николаевичу Шнауберту они относились с особым уважением как к выдающемуся клиницисту, и Алексей Петрович, будучи сам прекрасным больничным врачом, признавал научный авторитет и большой клинический опыт Владимира Николаевича, неизменно прибегая к его совету в запутанных, сложных случаях» [6].

В воспоминаниях подчеркивается неповторимая атмосфера сотрудничества и сотрудничества на пользу больного человека. В связи с этим характерны следующие строки воспоминаний доктора Ф. А. Гетье: «В. Н. Шнауберту был обязан своим возникновением и существованием пользовавшийся довольно широко известностью в Москве в 80-х и 90-х годах прошлого столетия так называвшийся «глаголевский» кружок, собиравшийся по четвергам у доктора Глаголева, известного детского врача, и состоявший в преобладающей части из врачей Старо-Екатерининской больницы. Здесь в товарищеской среде, в домашней обстановке, врачи делились своими наблюдениями над интересными больными, сообщались медицинские новости, и нередко кто-нибудь из присутствующих предлагал на обсуждение запутанный случай, в котором он сам не мог разобраться. Для молодежи этот кружок имел большое воспитательное значение, так как отсутствие всякой официальности и интимная обстановка позволяли ей не стесняться и ставить вопросы, не боясь заслужить обвинения в невежестве» [6].

В своих воспоминаниях не обошел своим вниманием глаголевский кружок и доктор Г. Соловьев, который, не забыв своих учителей, отдал должное и этому профессиональному медицинскому содружеству; «...Уважением Хрусталева пользовался по внутренним болезням В. Н. Шнауберт. Это был образованный (доктор медицины) и воспитанный человек. Оба они были душой упомянутого выше реферативного научного кружка их товарища Д. Г. Глаголева, большого практиканта московского по детским болезням. Кроме лета круглый год через две недели по четвергам вечером собирались мы у него и врачи не одной только Старо-Екатерининской больницы. Многие годы кружок был своего рода питомником медицинской науки по разным специальностям. Здесь возникали и создавались иногда работы для специальных научных обществ на основании разработки больничного материала. Под развивающимся влиянием больничной среды молодые врачи составляли себе впоследствии научное имя. Таковы, например, профессора: В. К. Рот, М. Н. Никифоров и некоторые другие» [7].

Теперь с позиций сегодняшнего дня видим, что же было потеряно за годы советской действительности. Ведь, к сожалению, уже многим из практических врачей никогда не придется уча-

ствовать в таких товарищеских встречах коллег, где врачи-сотоварищи, невзирая на различия в возрасте и опытности, имеющие регалии, стремились сообща разобраться в каждом конкретном клиническом случае. Это было время полного взаимопонимания коллег разных поколений.

Несомненно, немаловажную роль при этом играли человеческие качества врачей-наставников, врачей-клиницистов. Проф. Ф. А. Гетье, продолжая свои воспоминания, акцентировал внимание будущих своих читателей-коллег на духовно-нравственных качествах своих учителей-наставников: «Владимир Николаевич пользовался известностью как выдающийся клиницист и высокообразованный врач не только в стенах больницы, его знали с этой стороны в широких кругах Москвы, и когда прогремело открытие Коха лечения туберкулеза туберкулином, городское самоуправление избрало его и командировало в Берлин для изучения этого способа лечения» [8].

Доктор Ф. А. Гетье предельно точно дал характеристику личности его учителя-врача: «...Как товарищ В. Н. Шнауберт представлял чрезвычайно привлекательную личность; добрый, отзывчивый, широко образованный, интересный собеседник, он привлекал к себе всех мягкостью обращения и воспитанностью. Но эта мягкость не мешала ему быть прямым и откровенным; он умел высказывать собеседнику подчас далеко неприятные ему вещи, не задевая, не оскорбляя его» [6].

В воспоминаниях Ф. А. Гетье есть строки, свидетельствующие о больших психотерапевтических способностях доктора В. Шнауберта, для многих, к сожалению, ставших неосвоенной стороной их врачебной деятельности. Доктор Ф. А. Гетье откровенно пишет о том, с каким доверием относился его учитель к нему — своему ученику, доверив после предварительного клинического обследования постановку ему самостоятельного серьезного клинического диагноза.

В сокровенных благодарных воспоминаниях Ф. А. Гетье звучит гимн своему учителю: «...я любил в нем своего учителя, своего старшего товарища и друга, но любовь эта обуславливалась красотой его нравственного облика. На своем жизненном пути я встречал много хороших людей, но такого стройного сочетания в одном лице воспитания, ума, знания, доброты и благородства я не встречал никогда. Всю жизнь он был моим идеалом, приблизиться к которому было всегда моей заветной мечтой. Я горюю, что не обладаю литературным талантом, что я не сумел достаточно выпукло обрисовать эту несомненно выдающуюся личность и тем самым хоть немного уплатить свой долг ему, — уплатить ему за все то, чем я ему обязан как врач и человек!» [9].

Добавим еще один штрих к работе совершенствующихся в больничных условиях свои медицинские знания молодых врачей-экстернов. В 1897 г. главным врачом и заведующим хирургическим отделением Старо-Екатерининской больницы был назначен приват-доцент Московского университета И. Д. Сарычев, бывший старший врач хирургического отделения 1-й Градской больницы. В этой должности он проработал 22 года. Следует заметить, что до городской службы доктор И. Д. Сарычев был старшим ассистентом проф. Н. В. Склифосовского. Благодаря пройденной школе в клинике проф. Н. В. Склифосовского, приобретя большой опыт и совершенную хирургическую технику, Сарычев вносит живую струю в работу хирургического отделения Московской Старо-Екатерининской больницы. Как главный врач И. Д. Сарычев сыграл большую роль в строительстве больницы. Будучи знакомым с известными купеческими фамилиями, он привлек их капитал к строительству больницы. Последняя, будучи до тех пор деревянной, пополнилась каменными зданиями. К их числу относились корпус нервного, терапевтического, гинекологического отделений, родильного дома и приемного покоя с амбулаторией.

Наряду с высокими профессиональными качествами врача-хирурга и административно-организаторскими достоинствами главного врача, И. Д. Сарычев был высоко нравственным, гуманным человеком. Его известность широко распространилась за пределы больницы, что, несомненно, привлекало к нему молодежь. Каждый молодой врач, желавший трудиться в отделении, получал от него не только разрешение на право быть экстерном, но и поощрение к работе. Время стерло детали, подробности жизни того времени, но именно по этой причине нам дороги сохраненные воспоминания. Так, доктор Н. К. Холин вспоминал: «И. Д. Сарычев имел в своем столе знаменитую книжку в кожаном переплете, в которую он вписывал каждого желающего работать в больнице, причем тут же направлял его к тому или другому ординатору-руководителю. Если бы эта книжка уцелела, то она бы дала не только цифру довольно солидную врачей-экстернов, но могла бы показать много замечательных фамилий, которые играли и до сих пор играют большую роль в совершенствовании отечественной медицины» [10].

Н. К. Холин очень точно характеризует своего коллегу-врача: «Будучи высокообразованным в современной ему хирургии,

он продолжал развивать хирургическую мысль как от себя лично, так и через молодых врачей-ординаторов и экстернов. Он был членом старейшего в Европе «Хирургического общества», был в последние годы почти несменным председателем последнего и почти постоянным председателем «Общества русских врачей», обладавшего богатейшей медицинской библиотекой. Как деятельный член того и другого общества И. Д. Сарычев всегда привлекал к этой работе молодых врачей-ординаторов и экстернов» [10].

Доктор И. Д. Сарычев очень тонко понимал молодого врача, только начинающего трудовой путь, стараясь предоставить своему молодому коллеге подходящие условия для занятия наукой. «Он не только давал темы для того или другого доклада, но и предлагал для сбора материала свою личную богатейшую медицинскую библиотеку. Для доктора Сарычева большой радостью было выступление молодого ординатора, ставшего членом «хирургического общества» или «общества русских врачей». Подобные выступления не проходили незаметно: молодого ординатора вызвали в контору больницы к Главному врачу, И. Д. Сарычев официально поздравлял молодого члена Общества» [11]. Только собранная по крохам атмосфера больничной жизни того времени может, по нашему мнению, помочь увидеть ту товарищескую, творческую, содружественную атмосферу между старым и молодым поколениями врачей, направленную на совершенствование медицинской практики.

Благодаря регулярно проводимым в больнице конференциям, которые проходили 2 раза в месяц по вечерам, шла постоянная, кропотливая, непрерывавшаяся ни на один день научная работа. Конференции, где проходили дебаты по самым различным вопросам медицинской науки, зачастую затягивались за полночь, причем доктор Сарычев «утолял всех своих товарищей-врачей чаем и печениями». Вдумчивые наблюдения практических врачей не только звучали в докладах, но прослушанные в дальнейшем в специальных медицинских обществах Москвы, они шли обязательно в печать.

Журнал «Врачебные записки», издававшийся в Старо-Екатерининской больнице еще до прихода в клинику главного врача И. Д. Сарычева, помещал регулярно на своих страницах самостоятельные работы и рефераты больничных врачей. К сожалению, из-за недостатка средств этот журнал прекратил свое существование. Вскоре, однако, ординатором хирургического отделения Н. А. Соколовым и экстерном В. М. Минцем был выпущен в свет журнал «Вестник хирургии», который также просуществовал сравнительно недолгое время — с 1900 г. по 1902 г. [11].

Достаточно перечислить тех врачей, для которых деятельность в Старо-Екатерининской больнице стала точкой опоры для дальнейшей врачебной практики. Доктор С. П. Галицкий стал старшим хирургом в новой Сокольнической больнице в 1898 г., доктор Н. А. Соколов в 1892 г. был избран профессором кафедры общей хирургии Харьковского университета, доктор Н. А. Михайлов, заведовавший гнойным мужским отделением Старо-Екатерининской больницы в 1899 г., получил назначение в больницу Брянских заводов на должность главного врача. Список этот можно было бы продолжить. Среди экстернов, а затем ординаторов больницы следует назвать ставших в дальнейшем известными деятелями медицины докторов П. А. Герцена и В. М. Минца.

Доктор В. М. Минц о своей работе в хирургическом отделении Старо-Екатерининской больницы писал: «...мне пришлось за свою жизнь работать в разных учреждениях как за границей, так и в России, но своей детской школой, своим университетом я считаю свою добрую старенькую Старо-Екатерининскую больницу, где прошла молодость и часть моей жизни, и сейчас, когда я пишу эти строки, я не могу вспомнить без скорби о милоне И. Д. Сарычеве и многих, ныне уже покойных врачах больницы, о святой женщине Вере Капитоновне Трениной-Липгарт и др. — ...сколько милых теней ... — и добавлял: «Подробно излагать воспоминания о Старо-Екатерининской больнице потребовалось бы большого труда. Это значило бы писать историю развития крупного и ценного вклада в русскую медицину» [12].

Доктор А. А. Ушков в своем очерке под названием «История развития гинекологии и гинекологического отделения в Старо-Екатерининской больнице» ярко представил наблюдаемые им изменения в гинекологическом отделении, где работал талантливый молодой врач-гинеколог В. В. Успенский [13]. «В это время — свидетельствовал врач-гинеколог А. А. Ушков — гинекологическое отделение работало полным ходом с наивысшей нагрузкой: с утра отделение пополнялось врачами, обслуживающими отделение, врачами-экстернами и госпитантами, изучающими эту дисциплину, ученицами фельдшерской школы, изучающими женские болезни у кровати больных и производившими необходимые для них процедуры, студентами с курса, штудировавшими исключительно под руководством приват-доцента В. В. Успенского и его помощников в этом — В. Г. Бол-

довского, Я. Н. Волкова, наконец, массой земских врачей, командированных земствами для обновления медицинских знаний и между другими отделениями больницы, обязательно посещавших гинекологическое отделение» [14]. Очень точно описана картина из больничной жизни, когда, действительно, значительное число врачей-экстернов, госпитантов, студенток, стажеров-земских врачей буквально осаждали гинекологическое отделение Старо-Екатерининской больницы, мечтая обрести новые методики в обследовании и лечении гинекологических больных.

Большинство видных ученых, известных авторитетных врачей прошли школу врачей-экстернов, о чем мы находим в юбилейном сборнике, посвященном Старо-Екатерининской больнице, следующие строки: «Врачи-экстерны со временем превратились в ординаторов больницы, а такие врачи-экстерны, как Габричевский, Побединский известны как выдающиеся представители русской науки и профессора Московского университета. Среди врачей-экстернов будущих профессоров следует отметить Александра Павловича Прокушина профессора Московского университета, Виталия Николаевича Савина ректора Томского университета и Константина Григорьевича Хрушова, который был временно ординатором Солдатенковской больницы и впоследствии деканом Ташкентского университета» [15].

Таким образом, можно заключить, что созданная в рамках городского самоуправления городская медицина требовала притока молодых, профессионально подготовленных медицинских кадров. Сформированные в правовом поле самоуправлений городов институты врачей-ассистентов [16], врачей-экстернов, госпитантов способствовали тому, чтобы молодые врачи всегда имели возможность под руководством опытных медиков сложиться в умелого практического врача, способного приложить свои познания к делу у постели больных. Городские же больницы при успешном развитии подобных институтов всегда получали значимый кадровый врачевный резерв, который во многом помогал результативно использовать их в городском здравоохранении. Плодотворная работа Института врачей-экстернов в Московской Старо-Екатерининской больнице яркое тому подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦИАМ ф. 179 — оп 3 — ед хр. 1096. С. 7.
2. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926.

3. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 313.
4. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 222.
5. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С.314.
6. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 315.
7. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 223.
8. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 315.
9. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 316—317.
10. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 358.
11. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 358—359.
12. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 360.
13. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 382.
14. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 388.
15. Московская городская Екатерининская больница — родоначальница городской и общественной медицины 1776—1926: Юбил. сборник. М.; 1926. С. 229—230.
16. К истории деятельности «Института врачей-ассистентов» в рамках деятельности городского здравоохранения дореволюционной России (XIX—XX в.). Бюл. Нац. НИИ здоровья РАМН 2007; 5: 3-6.

Поступила 18.02.09